

Т.В.Фураева
Комитет по культуре
Правительства Ленинградской области

К истории установки памятника русским воинам у Чертова моста

В связи с 200-летием Швейцарского похода А.В.Суворова отечественная историческая мысль обращается не только к крупным событиям далекого прошлого, но и уточняет факты, не получившие широкой известности. К ним принадлежит, в частности, история увековечения памяти русских воинов на месте боев в Швейцарии. Ее описал в своей книге «Чертов мост: По следам Суворова в Швейцарии» российский журналист-международник и историк Г.П.Драгунов¹. Из содержания работы, лишенной, к сожалению, ссылок на источники, видно, что автор опирался на документы, хранящиеся в швейцарских архивах, и сообщения русской и французской прессы 90-х гг. XIX в., когда возникла и была реализована идея сооружения на Сен-Готарде памятника в честь русских солдат, павших во время перехода армии Суворова через Швейцарские Альпы. Изучение документов, находящихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), показывает, что тема отнюдь не исчерпана. Имеется реальная возможность внести ряд уточнений и дополнений в предложенную интерпретацию и вместе с тем расширить существующие представления о дальнейшей судьбе упомянутого памятника, воздвигнутого к 100-летию похода Суворова.

Как известно, инициатором сооружения монумента был камергер двора Его Величества князь С.М.Голицын, обратившийся со своим предложением через графа С.Д.Шереметева к министру императорского двора и уделов графу И.И.Воронцову-Дашкову. Последний направил 10 ноября 1892 г. товарищу министра иностранных дел

Н.П.Шишкину письмо, в котором изложил прошение С.М.Голицына. Целиком его поддерживая, И.И.Воронцов-Дашков просил получить высочайшее разрешение на установку памятника. Показательно, что С.М.Голицын был готов полностью оплатить расходы по сооружению монумента и обеспечить наблюдение над его строительством.

Н.П.Шишкин сочувственно отнесся к предложению и поручил российскому посланнику в Швейцарии статс-секретарю А.Ф.Гамбургеру конфиденциально собрать предварительные сведения о способах его осуществления. 20 января 1893 г. А.Ф.Гамбургер сообщил Н.П.Шишкину о полученных им данных для осуществления проекта сооружения памятника. Далее отношение посланника было передано графу И.И.Воронцову-Дашкову с негативной оценкой Н.П.Шишкина, который счел информацию А.Ф.Гамбургера неудовлетворительной и противоречивой по своему содержанию, что не позволяло сделать положительное заключение.

Содержание отношения сводилось к тому, что посланник А.Ф.Гамбургер, будучи уверен в том, что идея сооружения памятника не встретит никакого препятствия ни со стороны кантональных властей, ни со стороны Федерального совета, прежде всего пожелал заручиться согласием кантональных властей. Для этого он обратился к своему знакомому, который находился в дружеских отношениях с ландамманом (главным судьей) Урийского кантона, с просьбой написать последнему о том, что «некоторые русские желали бы почтить память усопших: врезать в скалу у Чертова моста мраморную доску с соответствующей ей надписью и поставить на подножии крест в древне-православном стиле»².

В полученном ответе отмечалось, что со стороны кантональных властей препятствий не встретится, но было поставлено условие: предварительное представление рисунка креста и перевода надписи, которая будет начертана на мраморной доске.

Однако, впоследствии из частных разговоров с некоторыми лицами посланник стал понимать, что проект не найдет поддержки у федеральных властей, ибо установка креста в православном стиле может возбудить недовольство в протестантско-католической стране.

Некоторые соотечественники посланника рекомендовали ему не поднимать этого вопроса, ибо увековечение прохода чужеземных войск через территорию Швейцарии могло бы затронуть щекотливый вопрос о принципе ее нейтралитета.

Одновременно обсуждался выбор места для установки памятника. В сентябре 1893 г. уполномоченными от швейцарского и русского правительств полковником Флюквером и князем С.М.Голицыным, при участии экспертов, был произведен осмотр местности, прилегающей к Чертову мосту. Результатом стал выбор двух мест вблизи Андерматта, подходящих для установки памятника и находящихся на требуемом расстоянии от сооружений военного ведомства. Определение именно двух мест было обусловлено возможностью встретить в одном из них технические затруднения: снежные и каменные обвалы и просачивание подпочвенной воды.

В итоге обследования местности князем С.М.Голицыным, по предварительному соглашению с уполномоченным Федеральным правительством, была составлена памятная записка от 12 сентября, переданная российским посланником Федеральному правительству. В ней предлагалось утвердить принципиально одобренные уполномоченными места для памятника, а представление планов и рисунков отложить до подробного технического обследования выбранных мест.

Вопрос о сооружении на Сен-Готарде русского памятника был рассмотрен Федеральным советом Швейцарии в октябре 1893 г. Совет дал принципиальное согласие на его установку, выразив при этом пожелание, чтобы проект сооружения и рисунки креста были бы предвари-

тельно представлены на одобрение швейцарского правительства.

О намерении князя С.М.Голицына поставить памятник на Сен-Готарде, равно как и о принципиальном на то согласии швейцарского правительства, было доведено до сведения императора. Проект получил высочайшее одобрение Александра III.

Князь С.М.Голицын при содействии Санкт-Петербургского общества архитекторов учредил конкурс проектов и рисунков памятника. 8 апреля 1894 г. конкурсная комиссия удостоила премии лучший из 9-ти представленных проектов.

Министерство иностранных дел в отношении на имя князя С.М.Голицына от 7 апреля выразило пожелание ускорить по возможности сооружение памятника на Сен-Готарде. В связи с этим, С.М.Голицын в первых числах мая 1894 г. отправился в Берн, чтобы при содействии русского посланника представить проект и рисунок памятника Федеральному правительству на его одобрение, однако из-за болезни посланника А.Ф.Гамбургера вынужден был ограничиться лишь содействием первого секретаря, не облеченного правами поверенного в делах российской миссии в Берне.

В ходе личных контактов с представителями Федерального правительства С.М.Голицын пришел к выводу, что получение разрешения на установку памятника задерживается, главным образом, в связи с вопросом об ограничении его размеров. По мнению С.М.Голицына, это не представляло бы серьезного препятствия, если бы российская миссия в Берне употребила со своей стороны необходимую настойчивость. В докладной записке на имя графа И.И.Воронцова-Дашкова от 16 июня 1894 года С.М.Голицын писал: «...постановка памятника на С.Готарде, сравнительно мизерных размеров, не только не отвечала бы намеченной цели, имеющей для русских историческое значение, но и не отвеча-

ла бы топографическому положению, если принять во внимание грандиозность скал, на которых проектировано сооружение, к тому же в основу моего проекта отнюдь не входило предположение на постановку памятника, сооружаемого исключительно на мои личные средства, мизерных размеров, а вполне соответствующего как местоположению, так и окружающим его предметам, дабы такое сооружение представлялось приличным своему назначению»³.

Между тем, в первой половине мая 1894 г. состоялся вторичный доклад государю императору об уступке Урзернским обществом места для постановки памятника. Общество мотивировало в своем протокольном постановлении такое решение «благоговением к нашему монарху как оберегателю Европейского мира»⁴.

В письме И.И.Воронцову-Дашкову от 9 августа 1894 г. Н.П.Шишкин, разделяя соображения графа «по поводу крайне прискорбных замедлений» в осуществлении сооружения памятника на Сен-Готарде, вместе с тем подчеркивал, что «со стороны министерства иностранных дел постоянно прилагаются все старания для скорейшего приведения к окончанию этого дела»⁵.

Однако, по сведениям министерства иностранных дел, задержка в получении окончательного согласия швейцарского правительства являлась, главным образом, результатом возникновения двух различных проектов. Второй проект появился помимо министерства иностранных дел и был представлен швейцарскому правительству русским военным агентом полковником бароном Розеном. Совершив еще в августе 1892 г. поездку на Сен-Готард и найдя в жалком состоянии усыпальницу сподвижников Суворова, барон Розен обратился к начальнику Федерального военного департамента Швейцарии с просьбой содействовать предохранению ее от разрушения. Военным министерством были приняты меры к возобновлению существовавшего памятника, находящегося при странноприимном доме Сен-Готардского монастыря^{6,7}.

Министерство иностранных дел принимало во внимание, что, по имеющимся сведениям, в усыпальнице погребены не только одни павшие русские воины, но и монастырская братия, а также и странники. Однако, ввиду известной нетерпимости католических монахов к прочим вероисповеданиям, министерство высказывало сомнение, чтобы суворовские воины были погребены в монастырском склепе, и не нашло достаточно оснований считать означенную усыпальницу памятником подвигов русских героев. Кроме того, министерство высказало соображение, что «...швейцарское правительство, пользуясь возникновением одновременно двух проектов, старается устранить вообще все предположения о постановке памятника павшим суворовским воинам»⁸. Сообразуясь со всеми обстоятельствами, министерство обратилось к военному министру с просьбой временно приостановить дальнейшие мероприятия по исправлению усыпальницы, а также предложить барону Розену сделать швейцарскому правительству необходимое заявление. Переписка между министерством иностранных дел и военным министерством свидетельствует о том, что возникшее препятствие было вскоре устранено.

В начале июля 1894 г. Федеральное правительство возобновило переговоры с российской миссией в Берне относительно того, чтобы на месте, избранном под памятник, был бы изображен краскою контур креста и ниши, дабы наглядно убедиться в оптической величине монумента. Это условие было выполнено. Назначенная правительством комиссия, проведя экспертизу, признала предложенный размер слишком грандиозным и сочла целесообразным уменьшить его до следующих параметров: 11 метров в ширину и 25 метров в высоту, обозначив указанный размер особой краской по сделанному на скале контуру. Федеральное правительство согласилось с заключением комиссии и постановило утвердить окончательный вариант габаритов памятника, о чем официально

уведомило российскую миссию в Берне нотой от 28 сентября 1894 г.

По свидетельству С.М.Голицына, в июне 1895 г. им лично были заключены договоры с подрядчиками, но, из-за рано наступившей зимы, подготовительные работы были приостановлены уже в сентябре. В 1896 г. по случаю небывалых холодов на Сен-Готарде к работам приступили только в июне. Это обстоятельство, а также возникшие трения относительно содержания надписи на памятнике лишили С.М.Голицына возможности заблаговременно заказать буквы для этой надписи. Последовательное устранение многочисленных помех, а также сооружение памятника «с возможною поспешностью» давали С.М.Голицыну основание рассчитывать на его освящение в последних числах сентября 1896 г. Подготовленный С.М.Голицыным проект программы освящения памятника был представлен на рассмотрение министру иностранных дел, который нашёл его вполне приемлемым. С.М.Голицын особо оговаривал участие в церемонии депутации от военного ведомства. Однако, сооружение памятника по разным причинам затянулось, и он был открыт лишь 14 (26) сентября 1898 г.

В дальнейшем к вопросу о памятнике высшие органы государственной власти России обратились в 1909-1910 гг. в связи с необходимостью его реставрации. В декабре 1909 г. военный агент в Швейцарии полковник Генерального штаба Гурко доложил, что Сен-Готардский памятник нуждается в капитальном ремонте. Памятник покрыт зеленым мхом; вода, стекающая с гор по кресту и по находящейся под ним плите, грозит ему разрушением, а скатывающиеся камни отбивают его края. В донесении отмечалось, что памятник возбуждает досаду русских туристов и роняет престиж России в глазах иностранцев⁹.

23 февраля 1910 г. по поручению Главного управления Генерального штаба полковник Гурко представил подробный проект ремонта памятника. По смете

архитектора Цшокке расход на ремонтные работы определялся в сумме 11,274 рубля. Каких-либо временных работ делать не следовало, а в случае отсутствия средств ремонт мог быть отложен до 1911 г.

Главное управление Генерального штаба, представлением в Военный совет от 31 марта 1910 г., ходатайствовало об ассигновании требуемой суммы в законодательном порядке. Военный совет поддержал это ходатайство и, ввиду неимения в распоряжении Главного управления Генерального штаба специальных источников на этот расход, принял 8 апреля соответствующее решение^{10 11}.

Письмом от 7 мая 1910 г. председатель Совета министров П.А.Столыпин уведомил военного министра В.А.Сухомлинова о том, что Совет министров рассмотрел на своем заседании 4 мая представление военного министерства и не встретил препятствий к направлению дела в Государственную Думу.

Государственная Дума на своем заседании 17 мая 1910 г. постановила направить законопроект об ассигновании средств на ремонт памятника, внесенный военным министром, в комиссию по государственной обороне и на заключение в бюджетную. Обе комиссии рассмотрели законопроект и признали подлежащим удовлетворению ходатайство военного министра. 4 июня 1910 г. Государственная Дума приняла законопроект, который предписывал отпустить из средств государственного казначейства в 1911 г. по военному министерству 11,274 рубля на ремонт Сен-Готардского памятника. После одобрения документа Государственным Советом император Николай II утвердил его 17 июня 1910 г.¹². Таким образом, Россия вновь продемонстрировала свое стремление обеспечить содержание в достойном виде памятника воинам Суворова, погибшим при переходе через Альпы.

Прошло сто лет с момента сооружения памятника. Современная Россия воздает почести суворовским героям. Государственная Дума Федерального Собрания

Российской Федерации 16 июля 1998 г. приняла Постановление «О 200-летию Швейцарского похода А.В.Суворова»¹³. Намеченные в связи с этой памятной датой мероприятия служат убедительным напоминанием о боевой выучке и силе духа русских солдат, проявленных в условиях труднейшего Швейцарского похода.

¹ Драгунов Г.П. Чертов мост: По следам Суворова в Швейцарии. – М., 1995. С. 94-98.

² Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. Л.5об.

³ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. Л.12.

⁴ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. Л.13.

⁵ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. Л.17.

⁶ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. ЛЛ.5, 20об, 21

⁷ Назаревский В.В. Царствование Императора Павла I и походы Суворова в Италии и Швейцарии. – М., 1910. С. 29–34

⁸ РГИА. Ф. 472. Оп.44. Д. 43. Л.21 об.

⁹ Там же. Ф. 1276. Оп.6. Д. 437. Л.1.

¹⁰ Там же. Ф. 1276. Оп.6. Д. 437.

¹¹ Там же. Ф. 565. Оп.1. Д. 4218.

¹² Там же. Ф. 1278. Оп.2. Д.1495.

¹³ Собрание законодательства РФ, 27.07.98., № 30, ст. 3707.